ЖОЗЕФ МАРМЕТТ

Невеста мятежника

Жозеф Марметт

Невеста мятежника

«Автор»
2026

Марметт Ж.

Невеста мятежника / Ж. Марметт — «Автор», 2026

Квебек, 1775 год. Пока британские гарнизоны готовятся отбить наступление восставших американских колоний, судьбы людей по обе стороны крепостных стен оказываются связаны крепче, чем приказы командующих. На кону — судьбы жителей Квебека. Молодой Марк Эврар любит Алису Коньяр, но её отец видит для дочери совсем другое будущее. За право быть вместе им предстоит бороться не только с волей семьи, но и с капитаном Джеймсом Ивилом — человеком, для которого чужое счастье становится помехой его собственным замыслам.Среди тайных заговоров, ночных вылазок, осадных пожаров и кровопролитных столкновений найдётся место дружбе, верности и неожиданной отваге. Жозеф Марметт воссоздаёт Канаду времён Американской революции, соединяя реальных исторических деятелей и события с драматичной историей любви, над которой нависла угроза войны.Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Марметт Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 8
Глава II 14
Глава III 23
Глава IV 28
Глава V 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Жозеф Марметт
Невеста мятежника

ЖОЗЕФ МАРМЕТТ
НЕВЕСТА МЯТЕЖНИКА
1875

Введение

Сразу после капитуляции 8 сентября 1760 года, по условиям которой Новая Франция переходила под власть Англии, во всей Канаде воцарился глубокий мир. За исключением опустошений, причинённых в Квебекском губернаторстве, которое неприятельские армии занимали на протяжении двух лет, тогда как столица дважды подвергалась осаде, была обстреляна и почти уничтожена, ничто в остальных частях провинции, казалось, не указывало на то, что страна только что пережила кровопролитную и гибельную войну. Укрывшись на своих землях, жители занялись земледелием как для того, чтобы возместить свои потери, так и для того, чтобы отгородиться от новых господ. У них ещё оставалась надежда, что Франция не покинет их и добьётся возвращения своих колоний после прекращения военных действий; но этой последней иллюзии вскоре предстояло рассеяться вследствие постыдного Версальского договора 1763 года, отзвук которого болезненно прокатился по Канаде, словно погребальный звон по французскому владычеству в Америке.

Это известие вызвало вторую волну эмиграции. Те немногие дворянские семьи, что ещё оставались в стране, бывшие чиновники, законоведы и купцы возвратились во Францию, продав или бросив своё имущество. В городах остались лишь духовные общины, немногочисленные низшие служащие, едва ли хоть один купец да ремесленники. Только сельское население, привязанное к земле, единодушно отказалось эмигрировать.

Завоеватели уже приняли меры, чтобы обеспечить себе беспрепятственное владение завоёванной страной. Чтобы сильнее поразить побеждённых, их прежде всего подчинили военному положению. Наступила эпоха деспотизма.

Вслед за английскими войсками в Канаду хлынула толпа авантюристов. Столь же бедные деньгами и знаниями, сколь жадные до роскоши и власти, эти надменные честолюбцы, по большей части люди ничтожные, бросились расхватывать все государственные должности. Дошло до того, что преступника вытащили из тюрьмы и назначили главным судьёй, хотя этот человек, в довершение презрения к общественным интересам и мнению, не знал ни основ гражданского права, ни первого слова по-французски. Следует добавить, что ему оказывал превосходную поддержку генеральный прокурор, едва ли более пригодный к исполнению своих обязанностей, тогда как гарнизонный хирург и отставной капитан служили судьями суда общих исков, а должности провинциального секретаря, секретаря совета, регистратора и провост-маршала отдавались фаворитам, которые затем сдавали их тем, кто больше заплатит. Постыдные происки всех этих пройдох зашли так далеко, что даже сам губернатор Мюррей, храбрый и честный солдат, не мог не краснеть за своё окружение. Он отстранил главного судью от должности, отправил его обратно в Англию и выразил своё недовольство министерству. Упразднение прежних французских законов довершило тиранию, и из среды населения, которое, хотя и было побеждено, не считало себя рождённым для рабства, начали доноситься угрожающие роптания.

Тем временем парламент Великобритании принимал закон, которому предстояло оказать огромное влияние на судьбы Северной Америки. Хотя поначалу казалось, что он должен обернуться против нас, это решение английского парламента своими последствиями должно было замечательным образом послужить нашим свободам, оказавшимся под угрозой. Под предлогом того, что последняя война вынудила её увеличить государственный долг, Англия взялась

облагать колонии налогами без их согласия; она приняла Гербовый акт и установила сбор для всех своих американских подданных. При известии об этом старые колонии заявили протест. Только Канада и Акадия, или Новая Шотландия, на время сохранили молчание.

Увидев, к каким затруднениям приведёт сопротивление американских провинций, Англия была вынуждена проводить в отношении Канады менее угнетательную политику. Она изменила свои предписания, сменила высших чиновников — словом, прибегла к умиротворению, чтобы сохранить за собой хотя бы одну провинцию в Новом Свете, поскольку все остальные колонии Северной Америки вступали в открытую борьбу с метрополией и уже готовили революцию, которая должна была привести их к независимости.

Виргиния первой воспротивилась Гербовому акту. В Бостоне население разгромило конторы. В Нью-Йорке собрался конгресс из депутатов большинства провинций и выступил против притязаний имперского правительства. Товары, снабжённые гербовыми марками, публично сжигали, а торговцы разрывали торговые связи с Англией.

Испуганное английское правительство отменило этот злосчастный Гербовый акт, вызвавший столь страшное возмущение.

Отмена закона на некоторое время приостановила сопротивление колониальных провинций. Но когда в 1773 году английское правительство опрометчиво ввело новый налог на чай, пламя восстания разгорелось с ещё большей силой, чем прежде.

Парламент был возмущён новым проявлением неповиновения, принимавшим всё более решительный характер, и прибег к принудительным мерам, чтобы вернуть мятежные колонии к повиновению. С другой стороны, желая привязать к себе Канаду, он постановил восстановить в этой стране французские законы, признал в ней католицизм официальной религией и предоставил провинции представительный Совет, в котором разрешалось заседать католикам.

Этот закон вызвал резкие протесты в Англии и особенно в Америке, где двенадцать провинций через посредство Генерального конгресса, заседавшего в Филадельфии, решительно выступили против Квебекского акта, признававшего католическую религию.

Крайне неумелый протест. Выступив против французских законов и католицизма, Конгресс оттолкнул от себя население Канады, которое тем самым оказалось потеряно для дела конфедерации, давно задуманной Вашингтоном и Франклином.

Однако по странной непоследовательности тот же Конгресс принял обращение к канадцам, в котором выражались чувства, совершенно противоположные тем, что были высказаны в его первых резолюциях.

Это обращение было встречено в Канаде довольно холодно: населению, удовлетворённому недавними уступками имперского парламента, оставалось лишь с недоверием относиться к лживым обещаниям, скрывавшимся за красивыми фразами Конгресса. «В силу своего вполне оправданного недоверия, — замечает господин Гарно, — большинство лучших друзей свободы остались равнодушными или отказались участвовать в начинавшейся борьбе… Многие другие канадцы, привлечённые законом 1774 года, обещали сохранить верность Англии и сдержали слово. Таким образом, одна-единственная мысль о преследовании, легкомысленно высказанная вслух, стала причиной того, что Соединённые Штаты ныне видят, как опасная мощь их прежней метрополии укрепляется в Северной Америке».

Генерал Карлтон едва успел ввести в действие новую конституцию Канады, как его внимание привлекли границы, которым уже угрожали восставшие американцы. Пока полковник Арнольд медленно продвигался к Квебеку по рекам Кеннебек и Шодьер, задерживаемый бесчисленными препятствиями девственного леса, генерал Шайлер, назначенный Конгрессом командующим Северной армией, вместе с Монтгомери шёл на Монреаль, которому вскоре предстояло пасть.

При первых известиях о вторжении губернатор Карлтон отправил к озеру Шамплейн те немногие войска, которыми мог располагать, то есть два полка общей численностью восемьсот

человек — всё, что имелось в стране. Поскольку приближалась зима, приходилось отказаться от надежды получить из Англии другие войска до возвращения весны.

Таким образом, губернатор оказался вынужден призвать ополчение к оружию.

Если большинство канадцев и не склонялось на сторону революции, оно столь же определённо желало не вмешиваться деятельно в борьбу и сохранять нейтралитет. Население оставалось глухо к неоднократным призывам Карлтона.

Тогда он попытался сформировать добровольческие отряды. Он предложил самые выгодные условия. Но его предложения привлекли немногих сторонников.

Поэтому, испытывая недостаток в войсках, он не смог прийти на помощь фортам Шамбли и Сен-Жан, которые вскоре сдались неприятелю.

Едва овладев Сен-Жаном, Монтгомери двинулся на Монреаль. Карлтон поспешно покинул этот город, где находился, и торопливо отплыл в столицу. В Труа-Ривьер он появился лишь на мгновение, да и то беглецом, и продолжил поспешное отступление, остановившись только в Квебеке 13 ноября 1775 года.

Между тем Монреаль и Труа-Ривьер открыли ворота перед повстанцами, а Монтгомери, следовавший по пятам за губернатором, соединился с генералом Арнольдом. Последний после шести недель тяжёлого пути появился перед Квебеком в самый день прибытия губернатора; но, поскольку у него оставалось лишь шестьсот пятьдесят боеспособных людей и он не мог помышлять о нападении на Квебек со столь малым числом бойцов, он отошёл к Пуэнт-о-Трамбль, где соединился с генералом Монтгомери. Оба отряда, насчитывавшие вместе около тысячи или тысячи двухсот солдат, подошли и осадили Квебек.

Но не будем забегать вперёд событий, подробности которых мы теперь постараемся изложить настолько занимательно, насколько сможем.

Глава I

Речь, которая никого не убеждает

Вечером девятнадцатого ноября тысяча семьсот семьдесят пятого года город Квебек, обычно тихий в этот час, был охвачен непривычным оживлением. По извилистым, тёмным и влажным от холодной мороси, окутывавшей столицу, улицам пробиралось множество людей, старательно закутавшихся в плащи. В скудных лучах света, кое-где пробивавшихся из-за неплотно закрытых ставен, можно было увидеть, как прохожие на мгновение возникали из тумана и тут же вновь погружались в него, исчезая в сумрачной мгле.

Они шли со всех сторон: из предместий, Верхнего города и Нижнего города, и все направлялись к одному месту — часовне епископского дворца.

Епископский дворец, стоявший тогда на месте нынешнего здания провинциального парламента, всё ещё служил резиденцией епископа, которого английское правительство лишило его только три года спустя, назначив смехотворное возмещение в сто пятьдесят фунтов стерлингов в год.

В тот вечер около восьми часов толстый управляющий монсеньора Бриана собирался запереть дверь часовни, когда звук приближавшихся шагов заставил его на мгновение высунуть голову наружу. К нему подходили четверо мужчин, и один из них крикнул с сильнейшим английским акцентом:

— Эй! Парень!

Управляющий уже попятился и собирался исполнить это повеление, более чем подозрительное в столь поздний час, осторожно повернув ключ в замке на два оборота, но один из пришедших опередил его, прыгнул вперёд и с силой распахнул дверь, втолкнув внутрь изумлённого сторожа. Тот, ожидая какого-нибудь вероломного удара, испустил вопль ужаса, эхом разнёсшийся под гулкими сводами часовни.

— Иди сказать твой хозяин, господин епископ, что мы хотеть устроить здесь сегодня вечером публичное собрание.

— Но…

— Ну! Ступай… — крикнул другой, нанеся сторожу сильный удар ногой.

Однако сторож уже держался на таком почтительном расстоянии, что без труда уклонился от удара. Он даже бросился было бежать со всех ног, когда новый приказ, ещё более властный, чем первый, пригвоздил его к месту.

— Клянусь Богом! Стойте-вас!

От этого ругательства и произнёсшего его громового голоса у сторожа мороз пробежал по костям.

— Здесь не видать ничего. Нам нужен свету.

Бедняга покорился. Он сходил за свечами в угол часовни и, чтобы зажечь их, принялся высекать огонь огнивом. Но руки его так дрожали от страха, что он гораздо чаще ударял по собственным пальцам, чем по кремню.

Остальные пришли ему на помощь и зажгли около двадцати свечей, слабый свет которых кое-как осветил внутренность часовни.

Тогда сторож тревожно и вопросительно посмотрел на людей, которым вынужден был повиноваться. Ему показали знаком, что он может уходить. Он повернулся на каблуках и тотчас исчез в тёмной глубине часовни, откуда донёсся звук двери, запертой на три оборота ключа.

Человек, затеявший эту вылазку, расхохотался и сказал остальным по-английски:

— Слава Богу! Если у всех городских французов столько же храбрости, сколько у этого, Квебек недолго продержится против войск Шайлера и Арнольда!

Так вёл себя в епископском дворце, словно в завоёванной стране, английский купец по фамилии Уильямс. С ним были его соотечественник Адам Лимбернер и двое их знакомых — все сторонники Конгресса и открытые друзья бостонцев.

История свидетельствует, что значительная часть английского населения Канады склонялась на сторону восставших американцев. Помимо Уильямса и Лимбернера, богатых квебекских торговцев, она сохранила для нас имена Джеймса Прайса и его компаньона Хейвуда, а также Томаса Уокера — все трое возглавляли повстанческое движение в Монреале.

Между тем часовня постепенно наполнялась новыми посетителями. Когда вошли последние — бледный молодой человек благородной наружности и простолюдин исполинского роста, — Уильямс поднялся на кафедру и обратился к собравшимся, большинство которых составляли франкоканадцы:[1]

— Джентльмены, — сказал он, — я весьма счастлив видеть столь многочисленное собрание…

— Говорите по-французски, — крикнул молодой человек, стоявший у двери.

— По-французски! — прогремел его товарищ-великан.

— По-французски! По-французски! — повторила толпа.

Уильямсу пришлось смириться, и он кое-как пробормотал нечто вроде вступления, в котором с преувеличениями, свойственными всем речам такого рода, благодарил граждан Квебека за то, что они в таком множестве явились на созванное им собрание в интересах независимости всех американских колоний. Затем он принялся комментировать обращение Конгресса к канадцам, заканчивавшееся следующими словами:

«Воспользуйтесь случаем, который предоставляет вам само Провидение; если вы будете действовать так, чтобы сохранить свою свободу, вы действительно останетесь свободными. Нам слишком хорошо известны благородные чувства, отличающие ваш народ, чтобы мы могли поверить, будто различие вероисповеданий способно повредить вашей дружбе с нами. Вы знаете, что свободе свойственно возвышать над этой слабостью тех, кого любовь к ней объединяет ради общего дела. Швейцарские кантоны дают достопамятное доказательство этой истины: их населяют католики и протестанты, и тем не менее они наслаждаются совершенным миром, а благодаря согласию, которое составляет основу их свободы и поддерживает её, они способны бросить вызов и даже уничтожить всякого тирана, который захотел бы её у них отнять».

Пока оратор переводил дух, бледный молодой человек, по-прежнему стоявший возле двери, воскликнул:

— Как вы согласуете эти прекрасные слова с другим обращением Конгресса, в котором он протестует против Квебекского акта, признающего у нас католическую религию?

Уильямс никак не ожидал подобного возражения и застыл с открытым ртом.

Большинство собравшихся, явно не питавших особых симпатий к Конгрессу, рассмеялось.

Затем, перекрывая все остальные голоса, бас великана, сопровождавшего молодого человека, прокричал Уильямсу:

— Ага! Старина, вот тебе и заткнули рот!

Пока над толпой прокатывался долгий и оглушительный взрыв хохота, а немногочисленные сторонники Уильямса старались унять это веселье, грозившее успеху дела Конгресса, оратор принялся кричать и размахивать руками с высоты кафедры.

Он и сам едва понимал, что говорил, но всё равно продолжал говорить. И поверьте, он был не так уж неправ.

Не зная толком, что ответить на серьёзное возражение молодого человека, хитрый торговец решил воспользоваться суматохой, чтобы делать вид, будто возражает и возмущается,

[1] Исторический факт.

громогласно выкрикивая что-то, пусть даже не говоря ни единого разумного слова. При таком шуме это мало что значит.

На шумных собраниях оратору почти всегда в конце концов удаётся добиться тишины, если он, казалось бы, противостоит буре и голосом, и жестами. Уильямс вскоре убедился в справедливости этого давно доказанного опытом наблюдения. Но, чтобы не поставить себя в неловкое положение, он позаботился умерить своё негодование и понизить голос по мере восстановления порядка. Так что, когда его вновь стало слышно, он уже спокойным голосом читал письмо, адресованное Вашингтоном «народам Канады» в конце 1775 года, заключительная часть которого приводится ниже:

«Великий Американский конгресс ввёл в вашу провинцию отряд войск под командованием генерала Шайлера не ради грабежа, но ради защиты, ради пробуждения и приведения в действие благородных чувств, которые вы не раз проявляли и которые прислужники деспотизма стараются искоренить по всему свету».

Оратор, особо подчеркнув последние слова, принял позу и устремил взгляд на прервавшего его молодого человека, подумав про себя:

— Клянусь душой! Вот маленькая фраза, которая мне как нельзя более кстати.

Он выпучил глаза с негодованием, кашлянул, как человек, не боящийся возражений, и, ободрённый молчаливым успехом, которого добился, продолжил чтение напыщенным голосом.

«Чтобы содействовать этому намерению и расстроить ужасный замысел обагрить наши границы кровью женщин и детей, я направил в Канаду господина полковника Арнольда с отрядом находящейся под моим командованием армии. Ему предписано, и я уверен, что он исполнит данные ему указания, во всём считать себя находящимся в стране своих покровителей и лучших друзей и действовать соответственно этому; необходимые припасы и боевые средства всякого рода, которые вы ему предоставите, он примет с благодарностью и заплатит за них полную стоимость; поэтому я прошу вас как друзей и братьев обеспечить его всем необходимым и ручаюсь вам своей верой и честью как за щедрое вознаграждение, так и за вашу безопасность и спокойствие. Пусть никто не покидает своего дома при его приближении, пусть никто не бежит: дело Америки и свободы есть дело всякого добродетельного американского гражданина, какова бы ни была его религия и от какого бы народа он ни происходил. Соединённые колонии не знают различий, кроме тех, которые могут порождать продажность и рабство. Итак, дорогие и великодушные граждане» (здесь жесты и голос оратора пытались стать патетическими, но тщетно, увы! — им мешал комический акцент английского торговца), «становитесь под знамя всеобщей свободы, которое никогда не поколеблют никакие ухищрения тирании».

Он подчеркнул последние слова жестом рубаки и бросил победоносный взгляд на молодого человека.

Тот пожал плечами и сказал:

— Шут гороховый!

Стоявший рядом великан прогремел громовым голосом:

— Всё это показуха!

Чтобы предупредить новый взрыв смеха, который неизбежно вызвала бы столь насмешливая оценка письма Вашингтона, Уильямс поспешил перейти к важному вопросу, решение которого требовалось немедленно получить от собрания и который заключался в том, чтобы склонить жителей Квебека сдать город войскам Конгресса, не произведя ни одного выстрела. С этой целью он прежде всего принялся чернить генерала Карлтона в глазах слушателей, рассказывая, насколько неумело тот защищал Монреаль и всю окружающую местность, которые за какие-то несколько недель попали в руки бостонцев.

К сожалению, в этом отношении Уильямс был прав, что с избытком подтверждают «Воспоминания» Сангине, очевидца событий и столь ревностного роялиста, что его рассказ о них невозможно заподозрить в пристрастии против королевской власти.

Так, он упомянул сражение у ворот Монреаля 15 сентября 1775 года, когда триста канадцев и тридцать английских купцов отбросили противника, нанеся ему потери, в то время как генерал Гай Карлтон и бригадир Прескотт «оставались во дворе казарм с восемьюдесятью с лишним солдатами, у которых за спиной были ранцы и при себе оружие, — готовые погрузиться на свои корабли, — если бы горожан оттеснили». Затем он особо остановился на ошибке Карлтона, отказавшего горожанам, ещё охваченным победным воодушевлением, в разрешении, которого они громогласно требовали, преследовать беглецов, «которых было так легко захватить».

Затем он попытался доказать, насколько предосудительным было бездействие губернатора, когда жители сельских местностей вокруг Монреаля выразили желание немедленно выступить против мятежников после успеха 25 сентября. Он осмеял насколько возможно прогулки — так Сангине называет эти мирные экспедиции, — которые губернатор совершал на лодке перед Лонгёем во главе нескольких сотен человек, не позволяя им, хотя они горели желанием сражаться, ни разу высадиться на берег, откуда неприятель в своё удовольствие насмехался над чрезмерно осторожным генералом.

Уильямс дошёл до этого места своей речи, когда дверь часовни медленно открылась, пропуская двух новых посетителей. Оратор, который из-за расстояния и царившего в часовне полумрака не мог разглядеть их лиц, принял их за опоздавших и продолжал перечислять претензии, которые самые ревностные роялисты должны были предъявить губернатору, за какие-то несколько недель потерявшему всю верхнюю часть страны, а накануне этого дня довершившему свою несостоятельность тем, что позволил захватить себя близ Сореля вместе с одиннадцатью судами, тремястами людьми и королевскими войсками, предоставив тем самым жителей остальной части провинции самим себе.

Уильямс уже с торжеством подводил слушателей к выводу, что было бы безумием помышлять об обороне города под командованием столь неспособного начальника против непобедимых войск генералов Монтгомери и Арнольда, когда один из двух только что вошедших прорезал толпу, приблизился к кафедре, в два прыжка взбежал по ступеням и внезапно предстал перед изумлённым оратором.

Резким и решительным движением вновь прибывший откинул полы плаща назад, обнажив позолоченный эфес шпаги и расшитый галунами мундир старшего офицера. Его узнали мгновенно. Это был полковник Маклин, командовавший войсками в качестве подчинённого начальника.

Метнув в Уильямса испепеляющий взгляд:

— Этот человек — обманщик! — воскликнул он, поворачиваясь к собравшимся. — Клянусь вам своей честью, господа, что генерал-губернатор сэр Гай Карлтон только что прибыл в город. Если господин Уильямс пожелает последовать за мной в замок, — прибавил он с иронией, заставившей купца содрогнуться, — то убедится в истинности моих слов. Извещённый монсеньором епископом о том, что здесь происходит, господин губернатор посылает меня просить добрых и верных подданных, составляющих большинство этого собрания, не доверять коварным речам друга мятежников и мирно разойтись по домам. Завтра генерал созовёт ополчение и лично убедит вас защищать ваши интересы и ваш город от восставших подданных, с которыми Его Величество король Англии вскоре справится. Генерал убеждён, что храбрые жители города, который шестнадцать лет назад славно сдался нам лишь после одной из самых ужасных осад, не откроют позорно ворота своей старой столицы перед недисциплинированной шайкой повстанцев.

Этот призыв к храбрости горожан был искусным и возымел самый благотворный эффект. По толпе пробежал одобрительный ропот. Раздались даже отдельные приветственные возгласы.

Полковник обернулся, желая насладиться своим торжеством, взглянув на Уильямса.

Но тот, пока Маклин говорил, проскользнул ему за спину и, опасаясь, что полковнику поручено его арестовать, незаметно пробрался сквозь толпу и бесшумно улизнул.

В эту минуту возле выходной двери разыгрывался пролог драмы, которой, несмотря на её быстротечность и безмолвие, предстояло оказать большое влияние на действующих лиц нашего повествования.

Спутник полковника Маклина остался у входа в часовню. Это был офицер лет тридцати. Войдя, он встретился глазами с молодым человеком, который прервал Уильямса. Искра, вспыхнувшая при встрече этих двух взглядов, была полна затаённой и с трудом сдерживаемой ненависти.

Пока Маклин произносил свою короткую речь, они не переставали бросать друг на друга вызывающие взгляды. Глаза молодого человека выражали прежде всего презрение; взгляд офицера был полон гнева и уже наполовину удовлетворённой жажды мести и словно говорил: «Наконец-то я встретил тебя при обстоятельствах, которые повредят тебе так же сильно, как будут благоприятны для меня! Погоди немного, и ты скоро увидишь, как я сумею отомстить за многие пренебрежения, которые мне пришлось от тебя снести».

Казалось, офицер находился теперь в выгодном положении и полностью превосходил своего противника. Однако если бы вы увидели их рядом, открытое лицо бледного молодого человека тотчас привлекло бы к себе все ваши симпатии.

Полковник Маклин заканчивал убеждать собравшихся, объясняя, что губернатор твёрдо намерен оказать самое решительное сопротивление, если войска Монтгомери и Арнольда, как это более чем вероятно, осадят город. Квебек был достаточно хорошо снабжён оружием, продовольствием и боеприпасами, чтобы сдерживать осаждающих до весны и тем самым дождаться помощи, которую Англия непременно пришлёт в Канаду с возвращением тёплого времени года. Тогда сторонники правого дела вновь возьмут верх, и мятежники окажутся в смятении, а изменники — в отчаянном положении. Горожане только и желали, чтобы их успокоили, ведь преступная беспечность вице-губернатора Крамаэ во время отсутствия генерала Карлтона так сильно их возмутила. Ибо известно, что всё время, пока генерал-губернатор находился в Монреале, господин Крамаэ вместо подготовки обороны города не заботился ни о чём, кроме пирушек с членами клуба «Баронов Круглого стола», который он сам основал в Квебеке.

Собрание мирно разошлось, проникнувшись чувствами, совершенно противоположными тем, которые хотел внушить ему Уильямс.

Бледный молодой человек первым покинул часовню. Поскольку ему нужно было пройти перед офицером, ожидавшим полковника Маклина, их взгляды ещё раз скрестились, точно острые клинки, жаждущие крови.

Великан, шедший следом за молодым человеком, искоса посмотрел на офицера, словно исполин, готовый броситься на горло тому, в ком инстинкт подсказывал ему врага своего хозяина.

Дойдя до того места, где примерно на середине спуска Ламонтань начиналась улица Пор-Дофен, молодой человек остановился и сказал своему могучему спутнику, который был его слугой:

— Селестен, спускайся домой один, тебе незачем меня дожидаться. Я вернусь поздно. Ложись спать.

— Мне пока вовсе не хочется спать, господин Марк. Если вы не против, я подожду вас с трубкой.

— Как тебе угодно, старина, — ответил молодой человек и поднялся по улице Пор-Дофен, тогда как его спутник спускался по склону Ламонтань, тяжело ступая широкими ногами по влажной земле.

Молодой человек прошёл всю улицу Пор-Дофен, свернул на улицу дю Фор и повернул направо, бросив рассеянный взгляд на замок Сен-Луи и монастырь реколлектов, которые возвышались один позади, а другой слева от Оружейной площади и выделялись неопределёнными громадами, ещё более чёрными, чем тёмный фон ночи.

Пока он направлялся к улице Сент-Анн той лёгкой и уверенной походкой юности, при виде которой старики вздыхают, Маклин и сопровождавший его офицер вышли из улицы дю Фор.

— Ну что ж! — сказал Маклин, остановившись, чтобы пожать руку подчинённому, — добрый вечер, Ивил. Вы счастливее меня: веселитесь, пока я буду докладывать генералу. Ступайте, танцуйте сколько угодно, ведь скоро вам придётся участвовать в бале, на котором ваш визави будет посылать в вас предательские свинцовые пули вместо бархатных взглядов, которые будут устремлены на вас сегодня вечером.

— Благодарю, полковник; добрый вечер.

— Спокойной ночи.

Капитан Джеймс Ивил повернулся спиной к Маклину, который направился к замку, и пошёл по улице Сент-Анн.

Пройдя вдоль ограды, окружавшей весь двор иезуитского коллежа, который в следующем году предстояло отобрать у владельцев и превратить в казармы, капитан продолжил путь до конца улицы Сент-Анн, которая в ту пору заканчивалась напротив места, где ныне возвышается колледж Моррин.

Дойдя до конца улицы, Ивил остановился, окинул взглядом освещённый фасад последнего дома слева, поднялся на три или четыре ступеньки крыльца и, вызывающе положив левую руку на гарду шпаги, правой поднял тяжёлый железный дверной молоток и шумно опустил его.

Та же дверь, которая открылась перед ним, совсем недавно впустила и бледного молодого человека.

Глава II

Удары смычка, языка и шпаги

В тот вечер в доме на улице Сент-Анн собралось большое общество. Хозяин дома, господин Никола Коньяр, убеждённый роялист, пожелал засвидетельствовать свою преданность правому делу, пригласив к себе знакомых, чтобы показать, какую радость доставило ему прибытие губернатора. Не следует, однако, смешивать чувство, побудившее его устроить это собрание, с тем бескорыстным самоотвержением, которое привязывает человека к какой-либо партии в силу чистого убеждения. Хотя в ту эпоху, пожалуй, не меньше, чем теперь, находилось честных людей, жертвовавших самыми дорогими своими интересами ради священных для них принципов, мы должны признать, что верноподданничество господина Коньяра проистекало отнюдь не из столь чистого источника. Он принадлежал к весьма немногочисленным канадцам, которые сразу после завоевания перешли на сторону победителей, чтобы снискать их расположение и получить от них милости.

Занимая доходную должность при французском правительстве, господин Коньяр, замешанный в злоупотреблениях Биго и компании[2], не осмелился эмигрировать и благодаря полнейшей угодливости сумел сохранить своё место и при английском владычестве. Таким образом, он оказался одним из немногих канадцев, состоявших на службе в администрации Мюррея и губернаторов, которые сменили его. Всякому, кто знает ревнивую подозрительность тогдашних завоевателей, нетрудно представить себе, насколько гибкой была спина господина Коньяра.

Правда, соотечественники, которых справедливое чувство достоинства удерживало вдали от победителей, указывали на него пальцем, но он только смеялся над тем, что называл их глупым патриотизмом. Тем, кто открыто выказывал ему презрение, он со смехом говорил, что английские деньги ходят куда лучше ассигнаций, которыми правительство наводнило страну в последние годы французского владычества. Естественно, на подобное возражение редко находился ответ. С людьми такого склада честные люди избегают всяких споров.

Никола Коньяр был пятидесятилетним мужчиной среднего роста, широким в плечах. Его мускулистое, красное и суровое лицо имело в целом что-то вульгарное и с первого взгляда производило неприятное впечатление. Стоило ему заговорить, как это неприятное впечатление ещё усиливалось. Скрежет его высокого, хриплого голоса резал слух, словно пронзительные звуки плохого кларнета. Это сравнение так естественно приходило в голову знавшим его людям, что остряки говорили: инструмент этот совершенно фальшивит.

От первого брака у господина Коньяра была единственная дочь, мало походившая на отца, и её милый облик мы сейчас набросаем несколькими штрихами.

Госпожа Гертруда, вторая жена Коньяра, была самым долговязым, сухопарым, угловатым и сварливым созданием на свете. За медоточивыми речами и приторно-ласковым выражением лица, за самой осторожной манерой держаться и проявлениями самой деланной учтивости она скрывала завистливейшую душу и самое отравленное ядом сердце, какое когда-либо билось под рёбрами старой ханжи. Выйдя замуж по расчёту в сорок пять лет, она за долгие годы своего затянувшегося девичества успела накопить всю желчь отвергнутых старых дев против всего прекрасного, молодого и пользующегося успехом. Поэтому свою падчерицу Алису она ненавидела от всей души.

В свои тогдашние двадцать лет Алиса была поразительно похожа на свою бедную мать, умершую в расцвете лет, измученную горестями и отвращением к жизни. Алиса была невысокой, хорошенькой и нежной, хотя и не хрупкой. Её чёрные волосы, приподнятые на висках,

[2] См. «Интендант Биго».

уложенные ярусами на макушке и увенчанные султаном из перьев, как того требовала тогдашняя мода, отливали той синевой, какую можно увидеть на крыльях соек. Лоб её был невысок, как у прекрасных греческих статуй, и обладал всей белизной и гладкостью мрамора. Большие карие глаза, столь же нежные на взгляд, как бархат на ощупь, светились мягким огнём под длинными чёрными ресницами. Нос был прямой и тонкий; рот маленький и свежий, словно дикая роза, которая раскрывается и улыбается, влажная от росы, первому утреннему поцелую; только нижняя губа, несколько более округлая, чем верхняя, походила на вишню, посередине которой пролегала очаровательнейшая тонкая бороздка. В улыбке этих девственных уст словно соединялись цветочный аромат и вкус плода. Очертание её лица представляло собой безупречный овал, а на бархатистых щеках проступали тончайшие карминные оттенки, какие только могли бы появиться под нежной кистью Изабе. Наконец, благодаря тонкости талии и маленьким рукам и ногам она могла бы сойти за андалузку и графиню, подобную прекрасной Хуане д'Орвадо, поэтическому видению, представшему Мюссе в пору свежайшего вдохновения его двадцати лет. Когда взгляд, восхищённый изысканными совершенствами этого юного создания, затем обращался к столь непривлекательному лицу отца, невольно возникал вопрос, как от такого некрасивого человека могло произойти столь прелестное существо.

Итак, у господина Коньяра собралось многочисленное общество, а сам он пока отсутствовал, занятый тем, что заискивал перед генералом Карлтоном. Он не без оснований полагал, что окажет на губернатора хорошее впечатление, если явится засвидетельствовать ему своё почтение сразу после его прибытия.

Когда капитан Джеймс Ивил вошёл в большую залу, там весело танцевали под звуки скрипки. Появление офицера произвело то впечатление, какое расшитый золотым галуном мундир неизменно производит в обществе, где есть женщины. Все дамы, даже сухопарая супруга господина Коньяра, бросали на него самые призывные взгляды, кроме Алисы, которая беседовала в углу с молодым человеком, замеченным нами в епископском дворце, и при виде английского капитана, казалось, с трудом подавила движение нетерпения.

Он довольно холодно приветствовал хозяйку, кивнул присутствующим и приблизился к Алисе, не взглянув на стоявшего рядом с ней молодого человека.

Последнего, чьё имя уже пора назвать, звали Марк Эврар. Он управлял торговым домом на улице Су-ле-Фор, часть капитала которого принадлежала богатому канадскому купцу из Монреаля, господину Франсуа Казо, сыгравшему свою роль во время вторжения 1775 года и сильно скомпрометировавшему себя помощью повстанцам.

Марк Эврар — о характере его отношений с Франсуа Казо мы вскоре расскажем — уже несколько месяцев, по-видимому, ухаживал за мадемуазель Алисой Коньяр и считался в обществе её женихом.

Говорили также, что капитан Ивил добивался расположения Алисы, но, по-видимому, не особенно ей нравился. Все эти предположения были обоснованны. Ведь на свете всегда существовали старые женщины, замужние и незамужние, единственным занятием которых было подстерегать молодых людей и выведывать по их взглядам или поведению тайну их любви. Какая беспокойная страсть побуждает этих женщин-надзирательниц, грозу влюблённых, так пристально исследовать молодые сердца, угадывать в них сдерживаемые порывы благородной страсти? Не происходит ли это у дам, перешагнувших пору расцвета, от сожаления об угасшей любви и об иллюзиях, увядших вместе с их прелестями, а у слишком засидевшихся в девицах — от неутолённой жажды привязанности, неизменно терпящей жалкое крушение? Предоставляю моралистам или заинтересованным лицам выяснить это обстоятельство.

Итак, Джеймс Ивил бесцеремонно прервал беседу Алисы с Марком Эвраром наедине.

— Мадемуазель, — произнёс он на довольно хорошем французском языке, которому научился в самой Франции, где путешествовал после Семилетней войны, — не окажет ли мадемуазель мне честь своим обществом в следующем танце?

— Мне очень жаль, — ответила Алиса, — но господин Эврар, который находится здесь и которого вы, кажется, не заметили, пригласил меня раньше вас.

— О! Простите, но, быть может, вы уже обещали кому-нибудь и следующий танец?

— Да, сударь.

— И опять господину Эврару?

— Да, сударь, — ответила Алиса, слегка покраснев, но в душе радуясь возможности сыграть такую шутку с ненавистным ей офицером.

— Ого! Ого! Очень хорошо! — ответил Ивил, бросил на Марка полный ненависти взгляд, круто повернулся на каблуках и направился к группе дам, которых попросил устроить контрданс.

Этот род танца был тогда ещё мало или вовсе не известен в Канаде, куда его принесли завоеватели. Поскольку контрданс (country-danse) был английским новшеством, Джеймсу Ивилу доставляло тайное удовольствие навязывать его канадскому обществу, тем более что он прекрасно знал: почти все гости господина Коньяра готовы потакать прихотям офицера британской армии.

Марк и Алиса вынуждены были принять участие в контрдансе, которым Джеймсу Ивилу пришлось руководить от начала до конца.

Когда танец закончился, Марк сказал Алисе, провожая её к месту:

— Мне кажется, вы несколько сурово обошлись с бедным капитаном.

Говоря это, Марк был неискренен; напротив, он был в восторге от того, что этого надменного офицера унизили у него на глазах.

— Вы так думаете, — сказала Алиса, лукаво взглянув из-под длинных ресниц. — Ба! Тем хуже для него! Если бы он хотя бы поздоровался с вами, тогда другое дело. Чтобы доказать ему, что танцевать с вами мне так же приятно, как ненавистен он сам, и чтобы досадить ему за его отвратительный английский танец, пойдёмте станцуем вместе гавот.

Проходя мимо двух скрипачей, Алиса попросила их сыграть нужную ей мелодию.

Скрипачи тотчас заиграли гавот. Это была медленная мелодия в двухдольном размере, делившаяся на две репризы, каждая из которых начиналась со второй доли и заканчивалась на первой. Музыкальные фразы и паузы в ней отмечались двумя тактами.

Гавот был чисто французским танцем. В описываемое нами время королева Мария-Антуанетта танцевала его в Париже со всем мыслимым совершенством. После Революции гавот исчез во Франции, где он никогда не пользовался большой популярностью.

Поскольку его исполняли лишь вдвоём и он приковывал к себе внимание всей залы, горе тем, кому некрасивые ноги или неуклюжая фигура не помешали бы заранее решиться на такое выступление. Гавот требовал такой гибкости, такой непринуждённости и такой грации движений, что эта задача была по силам лишь очень изящным людям.

Хорошенькой юной Алисе нечего было бояться такого испытания. Быть может, и сама она, из самого невинного кокетства, нарочно искала его, чтобы лучше показать свою изящность и неоспоримое очарование. Её маленькие сказочные ножки так мило семенили под подолом её розового шёлкового платья-полонеза; высокие красные каблуки сафьяновых башмачков так точно и задорно отбивали такт; гибкая тонкая талия так грациозно склонялась над широкими фижмами, раздувавшими юбку во время её сильфидных кружений.

И, конечно, партнёр был её достоин. В те времена, когда танец ещё не сводился к нелепой ходьбе, Марк Эврар слыл прекрасным танцором; при довольно небольшом росте вся его фигура отличалась совершенной соразмерностью. Его шёлковые чулки, плотно облегавшие ноги выше колен, и туфли на высоких каблуках выгодно подчёркивали рельеф прекрасно сложенных икр, а также столь же изящный подъём стопы, какой только бывает у человека благородного происхождения; и он столь галантно протягивал свою тонкую, сильную руку маленькой руке танцовщицы, что самые красивые женщины сочли бы за счастье танцевать с ним.

Гавот закончился, и, когда две другие персоны начали менуэт, старинный французский танец, довольно похожий на гавот, господин Коньяр вошёл в залу.

Едва заметив капитана Ивила, он скорее побежал, чем пошёл ему навстречу, и с воодушевлением стиснул его руку обеими руками.

Капитан, который уже некоторое время часто поглядывал на дверь и, казалось, с нетерпением кого-то ожидал, наконец выказал удовлетворение. Он фамильярно взял хозяина под руку и отвёл его в сторону.

Воспользуемся тем мгновением, когда он, сам того не зная, позирует нам, чтобы двумя росчерками пера набросать портрет офицера.

Некоторым женщинам Джеймс Ивил мог показаться красивым мужчиной. Он был высок и хорошо сложён. Но волосы у него были рыжие, а лицо красное, между тем как дряблая плоть щёк уже начинала слегка свисать на подбородок, образуя складки поверх пухлых складок шеи. Рука у него была белая и пухлая, но мягкая; а военный камзол из алого сукна, несмотря на все усилия скрытого под ним пояса, никак не мог утаить ранней полноты. Лицо его, не производившее неприятного впечатления с первого взгляда, всё же открывало наблюдательному глазу скрытое двуличие под маской невозмутимого выражения. Так, временами в уголках его рта появлялись складки, в которых угадывались угрозы, исходящие из сердца, а бледно-серые глаза порой сверкали зловещим блеском, невольным отблеском тлевшего внутри огня.

Капитан Ивил, обычно довольно флегматичный, беседовал с господином Коньяром с таким оживлением, что не мог не привлечь внимания некоторых гостей, в том числе Марка Эврара, который в другом углу залы продолжал, хотя и рассеянно, разговаривать с Алисой. Украдкой поглядывая на Ивила, Марк являл взору великолепный профиль. Его высокий широкий лоб прекрасно гармонировал со строгой линией носа и благородными очертаниями рта. Его большой глаз глубокого синего цвета сиял спокойным огнём под надбровной дугой. Наконец, словно противопоставляя тёмную раму матовой белизне его лица, чёрные волосы, которые он нарочно не пудрил, изящно поднимались над висками и, немного свободно спадая на затылок, там скручивались в употреблявшийся тогда чёрный шёлковый мешочек для волос.

По одному из взглядов, брошенных в его сторону Ивилом и его собеседником, Марк Эврар догадался, что стал предметом их разговора. Нахмурившийся отец Коньяр показался ему тёмной тучей, издали предвещающей бурю.

Марк наклонился к Алисе и тихо сказал:

— Боюсь, капитан, желая отомстить за ваше пренебрежение, устроит мне какую-нибудь неприятность в своём вкусе. Думаю, он теперь наговаривает на меня вашему отцу, который уже некоторое время смотрит на меня с явным неудовольствием.

— Чего вам бояться со стороны господина Ивила? — спросила Алиса с притворной уверенностью. Ведь она прекрасно знала, что её отец предубеждён против молодого Эврара и больше всего желает брака Алисы с блистательным английским офицером, уже несколько недель посещавшим их дом.

— То, чего мне следует бояться, — взволнованно ответил Марк, — лишь одно, правда, но для меня оно значит всё на свете: безвозвратно потерять вас, Алиса!

Девушка утопила взгляд во влажных глазах своего возлюбленного.

— Разве я уже не говорила вам много раз, — продолжала она, — что никого на свете не люблю и никогда не полюблю, кроме вас одного? Какое же вам дело до того, что другой человек добивается моей руки? И зачем тревожиться о средствах, которыми он, возможно, захочет мне понравиться, если я не могу выносить даже его присутствия?

Марк Эврар благодарил Алису долгим взглядом за её добрые слова, когда господин Коньяр, воспользовавшись шумом гостей, которые собирались танцевать кадриль, подошёл к Марку, коснулся пальцем его плеча и сказал:

— Господин Эврар, я хочу с вами поговорить.

Марк поклонился и последовал за ним в угол залы, откуда Джеймс Ивил только что ушёл, чтобы присоединиться к танцующим.

— Правда ли, сударь, — спросил Коньяр, — что сегодня вечером вы присутствовали на собрании, состоявшемся в часовне епископского дворца?

— Да, сударь, — ответил Марк, ощутив, как сжалось сердце.

За этим вопросом он угадывал коварную ловушку, которую только что расставил ему Ивил.

— Прекрасно, сударь, — продолжал Коньяр своим визгливым голосом. — Прекрасно! Вы совершенно вольны примкнуть к мятежникам, а затем, если вам угодно, быть повешенным как бунтовщик. Но вы также не должны ставить мне в вину то, что я хочу оградить себя и всю свою семью от подозрений, которые неизбежно навлекло бы на нас дальнейшее знакомство с вами.

— Но, сударь! — поспешил перебить Марк, — знаете ли вы, в каком качестве я оказался на этом собрании и какую роль там играл?

— В каком качестве, сударь! Да какая мне разница, были вы там главарём или простым сторонником! Какое мне дело до сыгранной вами роли, если от неё я лишь ещё больше рискую оказаться замешанным в эту историю, особенно если роль была заметной!

— Но, сударь… — пытался вставить Марк, — вы ошибаетесь… Разве вам неизвестны мои взгляды?…

— Ваши взгляды! Ваши взгляды! Хорошо же они представляют вас в глазах порядочных людей, эти ваши взгляды! Можете похвалиться тем, что власти уже взяли вас на заметку.

— Да ведь я говорю вам, господин Коньяр, — возразил Марк, с трудом сохраняя полнейшее спокойствие, — говорю вам, что был там только из простого любопытства!

— И вы полагаете, сударь, что этого недостаточно, чтобы утратить уважение верных подданных Его Величества! Ах! Сударь, если бы вы слышали сегодня вечером, как господин губернатор заклеймил изменниками всех участников этого собрания, вы дрожали бы от одной мысли, что кто-нибудь может заподозрить вас в присутствии там! Нет, сударь, вы сколько угодно могли уверять меня в своей преданности нашему возлюбленному государю Георгу III, несомненно, желая меня вернее обмануть, но вот поступок, опровергающий ваши прекрасные слова. Итак, господин Эврар, чтобы вполне оправдаться за наши прежние отношения и не бросить тени подозрения на мою верность нашей доброй матери Англии, я объявляю вам, что с нынешнего вечера наши отношения прекращаются. Это равносильно тому, чтобы сказать, что я запрещаю всем членам своей семьи даже вспоминать о вас и что двери моего дома останутся для вас закрыты, если вы осмелитесь вновь сюда явиться. Однако поскольку сегодня вечером вы мой гость и тем самым я обязан соблюдать некоторые приличия, я не стану возражать, если вы проведёте здесь остаток вечера. Прошу лишь перестать докучать моей дочери Алисе своими назойливыми ухаживаниями.

Марк, столь тяжело уязвлённый в своей гордости, всё же хотел прислушаться только к голосу любви, который звучал ещё громче его законного самолюбия.

— Прошу вас, господин Коньяр, — сказал он умоляющим тоном, — выслушайте меня…

— Довольно, сударь, — ответил роялист самым гнусавым тоном, какой только сумел извлечь из тростникового пищика своей глотки.

И с начальственным видом он засунул оба больших пальца в петли своего камзола и удалился, оставив Марка в полном смятении.

Громкий голос Коньяра и униженный вид Марка привлекли внимание присутствующих, которые, хотя и делали вид, будто танцуют или беседуют, не пропустили ни одного жеста этой выразительной пантомимы. Поэтому неприятная и неуместная сцена охладила настроение гостей, и они, уже не сумев вернуть балу прежнее веселье, вскоре начали расходиться.

Возможно, им также не терпелось всласть обсудить столь неожиданное и пока ещё загадочное происшествие.

Сначала Марком овладело безумное желание первым выбежать из этого негостеприимного дома. И всё же ценой нечеловеческих усилий он сдержал кипевшие в нём волны гнева. Он хотел в последний раз пожать руку Алисы, которую мачеха и две или три другие дамы уже окружили своими нескромными утешениями, хотя они ещё не вполне понимали причину только что произошедшей размолвки между господином Коньяром и молодым человеком.

Побродив десять минут с тяжёлой душой среди мужчин, собравшихся в одной части залы, и спокойно отвечая на пустые вопросы, которые ему задавали, делая вид, будто ничего не заметили из постигшей его неприятности, он воспользовался уходом трёх или четырёх пар, чтобы также удалиться.

Но прежде чем уйти, он пересёк залу и, прорвав круг женщин, окружавших Алису своими лицемерными знаками внимания, протянул ей руку и сказал голосом, в котором дрожало рыдание:

— До свидания, мадемуазель.

— Прощайте, сударь! — поспешила ответить сварливая госпожа Коньяр, которую муж только что посвятил в положение дел и которая теперь словно парила в атмосфере счастья. Для достойной мачехи видеть падчерицу униженной и несчастной было райским наслаждением.

Марк не удостоил даже взгляда эту гадюку, которая шипела, стараясь его ужалить, но бросил полный презрения взгляд на капитана Ивила, посылавшего ему торжествующий взгляд.

Пройдя несколько шагов обратно по улице Сент-Анн, Марк остановился, прислонился к стене соседнего дома и стал ждать, лихорадочно дрожа от ярости.

Через несколько минут дверь дома господина Коньяра вновь отворилась, выпуская последнюю волну гостей.

Марк увидел и узнал в потоке выходивших, благодаря снопу света, разливавшемуся из передней наружу, именно того, кого ожидал. Он дал двери закрыться и пошёл навстречу людям, двигавшимся к нему; те, удивлённые появлением среди них человека, которого внезапно окружившая их темнота не позволяла сразу узнать, немного посторонились, пропуская незнакомца.

Марк Эврар направился прямо к Ивилу, который поначалу тоже не узнал его, как и остальные, и произнёс дрожащим от волнения голосом:

— Призываю вас всех в свидетели, — воскликнул он, — что стоящий здесь капитан Джеймс Ивил — клеветник и трус! Во свидетельство этого я, Марк Эврар, даю ему вот эту пощёчину.

Сухой звук, за которым последовало громкое английское ругательство, тотчас доказал, что молодой человек исполнил сказанное.

Офицер, на мгновение оцепенев от изумления, обнажил шпагу и бросился вперёд. Но свидетели этой сцены кинулись между противниками, чтобы разнять их.

У Марка была лишь лёгкая трость. Он решительно ждал офицера, который со шпагой в руке кричал, что выпустит наглецу кишки.

— Ради Бога, Эврар, уходите! — сказал один из тех, кому с трудом удавалось удерживать Ивила. — А вы, капитан, не вздумайте зарезать безоружного человека, ослеплённого гневом!

— Я не желаю больше оставаться здесь, поскольку уже сделал то, что задумал, — ответил Марк Эврар. — Но прежде чем уйти, скажу капитану Ивилу, что всегда готов к его услугам, чтобы подкрепить свои слова и пощёчину хорошим ударом шпаги.

Эврар повернулся спиной и спокойно удалился, пока остальные изо всех сил старались образумить Ивила, обезумевшего от ярости.

Когда шаги Эврара несколько стихли вдали, капитан, которого стали держать менее крепко, смог двинуться вперёд вместе с сопровождавшими, всё ещё придерживавшими его людьми.

Они подходили к углу улицы дю Трезор. Джеймс Ивил, казалось, успокоился. Все присутствовавшие, жившие в Верхнем городе, свернули в переулок, пожелав офицеру доброго вечера, а тот, пробормотав более или менее вежливое прощание, продолжил путь к замку.

Едва остальные оставили его, капитан ускорил шаг. Он заметил три тени, поднимавшиеся от улицы дю Фор к замку Сен-Луи. Он пробежал несколько шагов и радостно вскрикнул. Это были три офицера его полка.

— Вы на дежурстве? — спросил он.

— Мы только что закончили обход, — ответили те.

— Хорошо! В таком случае идите со мной. Один мерзавец-канадец только что меня оскорбил. Нужно заставить его просить прощения крепкими ударами плашмя шпагой. Поспешим! Он не мог далеко уйти, и я знаю, где он живёт.

— Идём! — ответили другие, обрадованные таким приключением.

И все направились в Нижний город.

Марк Эврар оставлял позади спуск Ламонтань и вступал на крутой склон, где впоследствии построили лестницу, ведущую на улицу Шамплен. Он шёл, разрываясь между страхом навсегда погубить свою любовь и удовольствием от мести, уже более чем наполовину утолённой, когда звук поспешных, приближавшихся к нему шагов вывел его из задумчивости.

Поначалу он не придал этому большого значения и свернул на улицу Су-ле-Фор.

Преследователи заметили его на повороте улицы. Они скорее скатились, чем спустились, к улице Су-ле-Фор.

Услышав шум, который производили четверо мужчин, Марк обернулся; он находился напротив своего дома.

Но даже если бы он захотел укрыться там, времени у него не хватило бы; четверо нападавших уже стояли между ним и дверью.

Марк увидел, что путь к отступлению отрезан. Он отошёл к дому на противоположной стороне улицы и прислонился к его стене, чтобы не дать себя полностью окружить. Одновременно быстрым движением он расстегнул плащ и обмотал им левую руку. Имея лишь эту обмотку и трость в качестве всего своего оборонительного и наступательного оружия, он стал ждать нападения противников, которые яростно бросились на Эврара, увидев, что он намерен защищаться.

Отражая первые удары с ловкостью человека, которому не чужды приёмы фехтования, Марк поднял глаза. Окна второго этажа его дома, над лавкой, были освещены.

— Селестен! — во всю силу лёгких закричал Марк Эврар, — Селестен!

В тот же миг на потолке появилась огромная тень, а затем из окна, которое с силой распахнули, донёсся голос:

— Что случилось, господин Марк? — спросил могучий голос Селестена Транкиля.

— Сними мою шпагу, которая висит над камином, и брось её мне, чтобы я мог немного попотчевать этих господ на французский манер!

— Чёрт побери! — крикнул Транкиль, тотчас исчезнув из окна.

Его тень вновь пробежала по потолку комнаты, но уже в обратном направлении. Затем послышался грохот тяжёлого тела, скатывавшегося по лестнице, и адский шум двери, с треском распахнувшейся наружу.

— Вот, сударь, — крикнул великан, одним шагом пересёкший улицу.

При его приближении двое нападавших, увидев, что Транкиль вооружён огромным дубовым брусом, которым запирали дверь лавки, немного отступили и повернулись ему навстречу. Транкиль воспользовался образовавшимся просветом и бросил шпагу Марку Эврару. Тот поймал её на лету.

— А теперь, — пробормотал Транкиль, поплевав на ладони и покрепче взявшись за свою самодельную дубину, — теперь мы с вами потолкуем, мои пузатики!

И, подняв над ними своё страшное оружие, он бросился на нападавших.

Те были застигнуты врасплох, но не испугались и приготовились храбро обороняться. Они разделили между собой противников: двое против Эврара и двое против Транкиля.

Первый удар великана с оглушительным гулом пришёлся в пустоту. Офицер, которому предназначался этот сокрушительный удар, успел отскочить в сторону.

Пока Транкиль поднимал своё оружие, другой офицер нанёс ему колющий удар, который, не проникнув между рёбрами, оставил длинную царапину. Но бедному нападавшему это обошлось очень дорого.

— Погоди-ка, ты! — взревел Селестен Транкиль.

Не успел он договорить этих коротких слов, как брус обрушился на спину англичанина, который с воем боли выронил оружие и рухнул как мёртвый, подняв подошвы кверху и уткнувшись носом в грязь.

Первый вновь пошёл в атаку и уже собирался сделать полный выпад, чтобы пронзить Транкиля насквозь. Но тот опередил его.

— На! И тебе тоже хочется, — сказал великан. — Э! Ну что ж! Подуй на пальчики.

Ударом наотмашь Транкиль так сильно хватил своего второго противника по правому предплечью, что тот завыл, словно раздавленная собака, размахивая вывихнутой рукой, которая бессильно болталась, как пустой рукав.

— Эй! Дружок, — сказал Селестен, — прямо как от мороза: пальцы-то щиплет!

Затем, глубоко вздохнув от удовольствия, он добавил:

— Ага! Теперь за других двух.

— Стой! — крикнул Марк, фехтовавший с Ивилом и четвёртым нападавшим, — эти двое мои!

— Ладно! Раз вы так желаете, — проворчал Транкиль, опираясь на свою дубину. — Но, ей-богу! Господин Марк, предупреждаю вас: если им вздумается хоть немного повредить вам кожу, ни один из них не уйдёт отсюда живым. Я всех их перебью.

Марк уже получил колющий удар в бедро и несколько других ударов в плащ, служивший ему щитом. Однако он один был по меньшей мере не слабее обоих противников, поскольку уже несколько минут успешно противостоял им. Два или три раза он ощущал, как острие его шпаги проделывало прорехи в плоти обоих противников.

Воспользовавшись сильным фланконадом во второй позиции, который он только что нанёс товарищу Ивила и который вынудил того разорвать дистанцию, Марк после обманного укола в первой позиции нанёс капитану сильный рубящий удар по голове. Тот пошатнулся и отступил с яростным воем.

Товарищ Ивила, отступая, оглянулся и увидел, что двое их сообщников, наполовину оглушённые ударами Транкиля, спасаются бегством, едва волоча ноги. Увидев, как Ивил покачнулся, он решил, что тот тяжело ранен, тоже повернулся спиной и присоединился к остальным, которые, прихрамывая, поднимались по склону Ламонтань, словно изувеченные волки, вырвавшиеся из капкана.

Ивил увидел, что его бросили одного, и, всё ещё оглушённый раной на голове, также счёл за благо отступить и пустился наутёк, крикнув Марку:

— До скорого свидания, господин Эврар!

После этой угрозы звук его шагов затих за поворотом улицы.

— Ну вот! Это всё! Не хитрее этого! — воскликнул Транкиль, разразившись хохотом. — О! Вот так потеха! Спокойной ночи, господа англичане! Знаете ли, господин Марк, что я не разминал своих рук с самого 1760 года. Тогда я сражался в роте, которой командовал ваш батюшка. Ох! И славный же он был человек, ей-богу! И шпагой владел замечательно, точно как вы, впрочем. Ну что ж, чёрт побери! Я всё-таки рад убедиться, что мои мышцы ещё достаточно крепки, чтобы играть на скрипке и заставлять красные мундиры плясать, как в старые добрые

времена генерала Монкальма и господина де Леви. Но позвольте-ка мне взглянуть вон туда. Мне показалось, что там что-то упало на землю, когда вы славно полоснули того долговязого.

Транкиль нагнулся, поднял клочок плоти, удивлённо воскликнул и направился, сопровождаемый Эвраром, к оставшейся открытой двери лавки.

Не потрудившись сразу закрыть дверь, Селестен взбежал по лестнице через несколько ступенек и, оказавшись на площадке, освещённой светом из открытой комнаты, воскликнул:

— Эй! Да, чёрт побери! Это и вправду она!

— Что такое? — крикнул снизу Эврар, закрывавший дверь.

— Ухо! Господин Марк, ухо! Чёрт побери! Как ловко срезано! Даже цирюльник на углу не делает этого лучше со своими лучшими клиентами![3]

[3] «Воспоминания» господина Пьера де Саля Латерьера, относящиеся к этой эпохе, частное издание которых его семья выпустила два года назад, содержат эпизод, похожий на эту потасовку.

Глава III

Любовное отчаяние

Марк Эврар лишь мельком обратил внимание на шутки Транкиля и позвал его обратно в лавку, занимавшую весь нижний этаж.

— Довольно шуток, — сказал он, рассеянно взглянув на окровавленное ухо, которое Транкиль торжествующе держал перед глазами, — приготовимся к обороне на случай, если неприятель, взбешённый своим поражением, вернётся с подкреплением. Помоги мне забаррикадировать дверь и окна и закрыть их этими печными плитами, которые остановят летящие снаряды… Хорошо! Теперь вскроем бочонок с порохом и другой с пулями, чтобы боеприпасы были наготове и под рукой.

В те времена у любого из наших торговцев можно было найти почти всё что угодно. Покупателей в городах было ещё недостаточно много, чтобы возникло то разделение торговли на разные отрасли, которое необходимо теперь. Купец, обслуживавший крестьян, индейцев из самых отдалённых областей, матросов и горожан, набивал свою лавку почти всем, что может понадобиться для сохранения жизни или, при случае, для её отнятия.

Едва Транкиль услышал о возможном штурме и драке, как пришёл в неописуемый восторг. Он отправился снять свой старый мушкет, висевший над камином на втором этаже, за которым ухаживал с величайшей заботой.

— Вот это, видите ли, господин Марк, — сказал он, любовно оглядывая оружие, — для меня всё равно что ребёнок! Я стрелял из этого ружья при Мононгахеле, у форта Уильям-Генри, при Карильоне, при Монморанси, в битвах на Равнинах и при Сент-Фуа. Уверяю вас, немало англичан могли бы рассказать, как метко оно посылает свою калиберную пулю, если бы все бедняги, которых я уложил, могли вернуться и поведать вам об этом.

Говоря это, он всыпал в ствол изрядный заряд пороха и вложил две пули, после чего с величайшей тщательностью затравил ружьё.

Марк взял с полдюжины новых мушкетов, висевших на балках лавки. Он проверил действие их замков, убедился, что кремни хорошего качества, и зарядил каждое ружьё двумя пулями.

— Теперь, — сказал Марк Эврар, — оставим три мушкета на прилавке, полностью готовыми к выстрелу. Остальные вместе с боеприпасами отнесём наверх. Если кто-нибудь попытается ворваться в дом, здесь мы отразим первый натиск, а если нас вынудят отступить, забаррикадируемся наверху, откуда нас не выбьют, не проломив кому-нибудь черепа и не переломав рёбер.

Закончив все приготовления, Марк и Транкиль расположились на втором этаже, откуда через оставленные незакрытыми окна могли без труда заметить приближение нападавших.

Селестен Транкиль, убедившись, что вокруг всё спокойно, расстегнул жилет, чтобы посмотреть, серьёзна ли полученная им рана в боку. К своему удовольствию, он обнаружил, что это всего лишь лёгкая царапина.

Марк был ранен ненамного серьёзнее. Шпага Ивила вошла в плоть бедра всего на две или три линии. Через несколько дней от раны не осталось бы и следа.

— Пока грудь и голова целы, — заметил Транкиль, — на такие царапины и внимания обращать не стоит.

Когда возбуждение прошло, Марк почувствовал, что наступает упадок сил. Сидя возле печи, в которой Транкиль развёл хороший огонь, так приятно согревавший в эту холодную ночь, Эврар погрузился в глубокую задумчивость. Размышления, к которым привели события вечера, должны были повлиять на всю дальнейшую жизнь молодого человека.

Марк, последний потомок одной из первых и почтенных семей, поселившихся в этой стране, потерял отца в битве при Сент-Фуа, где господин Эврар командовал отрядом ополчения. Госпожа Эврар, оставшись вдовой с доходом, которого едва хватало на жизнь ей самой и единственному сыну, тем не менее позаботилась о том, чтобы дорогой ребёнок получил превосходное образование.

Подточенная горем от преждевременной потери мужа, она умерла в 1768 году, когда Марк выходил из Малой семинарии Квебека и ему вскоре должно было исполниться восемнадцать лет.

Оказавшись владельцем небольшого капитала, Марк, слишком благородный душой, чтобы искать в судебном ведомстве одну из должностей, которые унизительные условия раболепия, требовавшиеся тогда победителями, сделали презренными, и никогда не помышлявший о переселении во Францию, где у него остались лишь очень дальние и маловлиятельные родственники, справедливо рассудил, что единственным занятием, дававшим хоть какую-то возможность добиться почётного положения в Канаде, была торговля. Но имевшихся у него средств не хватало, чтобы сразу открыть собственное независимое торговое дело. Ему были необходимы кредит и покровительство купца, занимавшего прочное положение. Не желая прибегать к любезности английских торговцев, обосновавшихся в Квебеке, он обратился к господину Франсуа Казо, богатому монреальскому купцу, который поспешил прийти ему на помощь.

Этот Казо принадлежал к числу немногих канадцев, ещё сохранявших надежду когда-нибудь увидеть Канаду вновь принадлежащей Франции и составлявших ради этого заговоры. В разных частях страны у него было несколько торговых факторий, которыми заведовали всецело преданные ему агенты, и он обеспечивал себе их полное повиновение, делая каждого своим должником. Торговые связи, которые он поддерживал с индейцами посредством меновой торговли, снискали ему также их дружбу, так что в 1775 году он привлёк немало племён на сторону американского дела и помешал почти всем остальным выступить с оружием против Конгресса.

Франсуа Казо сразу распознал в Марке Эвраре образованного, умного и деятельного молодого человека и был очень рад привлечь к себе агента, одновременно ставшего его компаньоном, от которого надеялся получить величайшую пользу в задуманном им политическом предприятии.

Однако при первых же попытках посвятить его в свои замыслы Казо вскоре заметил, что не сможет воздействовать на молодого Эврара настолько, насколько ему хотелось бы.

Марк благодаря основательному образованию, историческим познаниям и здравому рассудку любил размышлять самостоятельно и приходить к убеждениям, делая выводы из событий, происходивших у него на глазах.

Прежде всего неблагодарное отречение Франции от верных ей американских колоний ясно доказывало ему, как и всем здравомыслящим людям, что она не расположена приносить какие-либо жертвы ради их возвращения. Поэтому ему казалось благоразумнее совершенно не вмешиваться в эти столкновения, которые могли привести лишь к разорению тех, кто вздумал бы принять в них участие. Конечно, он по-прежнему любил Францию, но эту неизменную привязанность канадца к родине-прародительнице бережно хранил в душе, подобно тайным печалям, которые меланхолики лелеют в своём сердце, — идеальному страданию, не лишённому очарования, которое им приятно сохранять.

Признаем, однако, что произвол военного правительства, установленного после завоевания, порой заставлял его прислушиваться к мятежным, хотя в то время и обоснованным, внушениям Франсуа Казо. Эврар уже начинал ощущать в себе всю ту неприязнь, которую вызывал в стране деспотизм победителей, когда благоразумная Англия решила в 1774 году предоставить Канаде свободы, предусмотренные Квебекским актом.

Эта разумная политика вернула Эврара к его обычным убеждениям. К тому же протесты Конгресса вскоре заставили его увидеть в американских англичанах врагов не менее опасных, чем завоеватели: ведь своими последующими протестами они пытались привлечь канадцев на свою сторону лишь для того, чтобы с их помощью сбросить английское иго, прекрасно понимая, что затем мы исчезнем как народ, растворившись в великой американской конфедерации. Оказавшись таким образом между двумя врагами, не разумнее ли было оставаться подданными более далёкого из них, чья удалённость неизбежно ограничивала бы притеснения, тогда как близость такой великой державы, как Соединённые Штаты, которую мыслители той эпохи уже считали сложившейся, должна была обеспечить спокойствие канадцев, вынуждая метрополию сперва не слишком раздражать их, а впоследствии во многом с ними считаться? Впрочем, мы уже видели, что такого мнения придерживалось большинство населения, которое, даже не вполне отдавая себе в том отчёт, всё же молчаливо действовало соответственно, почти полностью воздержавшись от участия во вторжении, от которого американцы ожидали чудес.

Именно под влиянием этих разумных представлений Марк, как мы видели, насмешками донимал в епископской часовне несчастного Уильямса, старавшегося склонить жителей Квебека на сторону Конгресса.

Итак, Марк Эврар был далёк от сочувствия повстанцам, а капитан Ивил, объявив его мятежником перед Коньяром, всего лишь поставил клевету на службу своим мелочным интересам. Таким был Эврар, проникнутый разумными принципами и руководствовавшийся ими в своих поступках, когда сохранял хладнокровие.

Посмотрим теперь, как он поведёт себя, когда под ударами судьбы в нём восстали самые неистовые страсти. Проследим за полным переворотом, который произведёт в нём столкновение этих вырвавшихся на свободу фурий.

Марк любил Алису уже два года. Поначалу это было чувство, которое он осторожно скрывал. Он знал её лишь потому, что видел её по воскресеньям после торжественной мессы, когда она, краснея и стыдливо опустив глаза под длинными чёрными ресницами, проходила между двумя рядами городских молодых людей, стоявших там словно на посту, чтобы поглазеть на прелестные личики, которых более или менее смущали дерзкие взгляды этих щёголей.

Почти целый год Марк ни разу не покинул своего места в рядах этих господ.

Так он и продолжал бережно лелеять милую иллюзию влюблённого в человека, для которого зачастую ты даже не существуешь, пока однажды, а вернее, одним вечером, его неожиданно не вознесло в небесную сферу, где витал ангел его грёз, то есть, выражаясь простым и понятным языком, пока он не познакомился с мадемуазель Коньяр.

Если фамилия отца была обыкновенной, то сама его дочь, как известно, отличалась необыкновенным изяществом. Марк был ослеплён телесными и душевными достоинствами Алисы. Он без труда убедил себя, что она ещё прелестнее, чем он осмеливался вообразить в самых смелых мечтаниях. Он дошёл до того, что и в фамилии Коньяр начал находить благородство.

Словом, узнайте из одной фразы, что Марка Эврара стали принимать в доме господина Коньяра, что он влюблялся в Алису всё безумнее и что его чувство встретило взаимность после всех вздохов, взглядов и робких односложных признаний, служащих мелкой наживкой, которой влюблённые снабжают свой крючок, чтобы удить в реке Нежности.

Эти ребяческие первые проявления любви могут вызвать пожатие плеч у искушённых волокит, измеряющих число своих побед количеством седых волос, но разве не правда, что в лучезарном возрасте, когда голова молода, как и сердце, разве не правда, что все эти робкие тонкости зарождающейся страсти наполняют душу небесным флюидом, от которого тело становится столь лёгким, что вам чудится, будто вы поднимаетесь в облака и вот-вот пойдёте по звёздам?

Вы, кто читает меня, согревая свои старые ноющие ноги, в которых вращается острый бурав ревматизма, отведите ненадолго взгляд от книги, пусть он блуждает по ясному пламени, возвращающему остатки тепла вашей стынущей крови, и мысленно спуститесь по многочисленным ступеням своей жизни. Помните ли вы, как однажды вечером — о! как давно это было! — шли вместе с нею вдоль зелёного берега большой реки? Это было в июне, не правда ли? Проникающий аромат цветущей сирени наполнял воздух вместе с нежным запахом диких трав, которые вы рассеянно приминали ногами. Вы смотрели, как золотые звёзды сверкают на прозрачном своде небес; молча, взволнованно слушали таинственные вечерние голоса, нашёптывающие людям о любви, и ветерок, что шелестел и заставлял трепетать в вас, в сладостной дрожи, самые чувствительные струны души. Разве не правда, что, проникнутые этими благоуханиями, растроганные и восторженные, вы не смогли устоять перед желанием вплести звуки голоса своей страсти в этот необъятный поток гармонии, поднимавшийся от земли к небесам? Когда на ваше признание она робко ответила признанием в любви, разве не помните вы, как ваша рука, тогда мускулистая и крепкая, задрожала под трепетным прикосновением её хрупкой ладони, а сердце, готовое разорваться, казалось, стремилось выпрыгнуть из груди? О! Скажите же, разве не чувствовали вы, как по налитым кровью жилам пробегает небесное пламя, мимолётная искра того божественного тепла, которое однажды одушевит нашу душу вечной жизнью?

Но я остановлюсь, ибо по дрожанию ваших рук вижу, что эти воспоминания так взволновали вас, что моя бедная книга вот-вот выскользнет у вас из рук и упадёт в весело потрескивающее пламя очага.

Итак, если одни лишь воспоминания волнуют вас до такой степени, как вы думаете, что же должен был испытывать несчастный Марк Эврар в любовном отчаянии? У вас сожаления смягчаются мыслью, удовлетворением оттого, что вы хотя бы не упустили прекрасных часов слишком короткой молодости. А он, видевший в могучем цветении своей весны, как его самая дорогая мечта, которую он долго считал предназначенной воплотиться в восхитительную действительность, готова рассеяться, словно самый обыкновенный сон!..

С одной стороны, несправедливые предубеждения отца, который сперва хорошо принимал молодого Эврара, поскольку его положение казалось ему вполне подходящим, но уже два или три месяца не желал слышать ни о ком, кроме блестящего капитана Ивила; с другой — ненависть соперника, прежде глухая и сдерживаемая, а теперь вспыхнувшая столь бурно и угрожающе, открывали перед Марком ужасающе мрачное будущее. Отец Коньяр был настолько угодлив, тщеславен и честолюбив, что перспектива родства с офицером английской армии, несомненно, помешала бы ему выслушать оправдания несчастного мелкого торгового приказчика; тем более что старик был столь малодушен, что по одному лишь обвинению капитана счёл любые отношения с Эвраром слишком опасными. Не возрастёт ли ещё неприязнь отца Алисы к Марку теперь, когда Джеймс Ивил, несомненно, не успокоится, пока окончательно не погубит репутацию молодого Эврара в глазах слишком доверчивого Коньяра?

Правда, Алиса любила Марка столь же сильно, сколь ненавидела Джеймса Ивила; но осмелится ли она когда-нибудь, сумеет ли отказаться повиноваться строгим приказам отца и не уступить непрестанным преследованиям, которым мачеха, по всей вероятности, не преминет подвергнуть несчастную девушку?

Все эти ужасные мысли жгли мозг Марка, словно живые языки пламени. Словно желая не дать голове разорваться от нестерпимого жара этих страданий, он стискивал её сведёнными судорогой пальцами. Кровь его разгорячилась настолько, что ему казалось, будто он кружится в раскалённом воздухе.

В такие часы лихорадочного помрачения даже человек, который в спокойном состоянии рассуждает здравее всех, почти всегда начинает прислушиваться к первой крайней мысли, особенно если она сулит ему иной путь к спасению его интересов, оказавшихся под угрозой.

Из непрестанного гула воспоминаний об этом собрании, на которое ему пришла несчастная мысль пойти из любопытства и которое вызвало катастрофу, погубившую все его надежды, перед ним вдруг возникла мысль о возможном спасении: почему бы не встать на сторону повстанцев?

Оставаясь в городе, Эврар находился во власти капитана Ивила и был почти лишён возможности действовать. Напротив, если бы он предложил свои услуги армии Конгресса, уже одержавшей победу во всех остальных частях страны и, вероятно, вскоре готовой овладеть также Квебеком, последним оплотом британского владычества в Канаде, не подготовил бы он этим своё триумфальное возвращение в милость отца Коньяра? Разве последний со своей обычной непостоянностью и гибкостью не постарался бы снискать расположение новых победителей? И тогда разве не было бы разумной политикой для отца Коньяра поскорее отослать английского капитана, чтобы отдать дочь Марку Эврару, сторонникупобедоносного Конгресса?

Эта мысль казалась столь правдоподобной, а положение английской стороны в тот момент столь сильно пошатнувшимся, если не окончательно проигранным, что молодой человек согласился с нею почти без колебаний.

Однако поскольку в столь внезапно помрачившемся рассудке ещё мерцала искра здравого смысла и Марк Эврар не мог в один миг столь резко порвать со своими убеждениями, он решил подождать несколько дней и посмотреть, доведёт ли пагубное влияние Ивила разрушение его надежд до конца. Тогда он пойдёт по новому пути, на который, казалось, судьба толкнула его против воли.

Эврар как раз завершал обдумывать это решение, когда утро прижалось бледным лбом к оконным стёклам, чтобы впервые заглянуть в ещё спящие дома.

Селестен, заметив, что его хозяин слишком тяжело подавлен, чтобы его можно было расспрашивать, и увидев, как тот поднял голову движением, выдававшим принятое решение, произнёс:

— Вы, должно быть, устали, господин Марк. Снаружи всё кажется спокойным; ступайте немного отдохните. Я продолжу караулить один.

— Спасибо, мой добрый Селестен, — ответил Марк, вставая. — Думаю, мы оба можем лечь спать, не опасаясь нападения. Вряд ли мы ещё сегодня увидим наших господ англичан, которым, должно быть, вполне хватило горячего приёма этой ночью.

Глава IV

Разлука

Когда Марк проснулся после нескольких часов беспокойного сна, первым, что пришло ему на ум, ещё прежде, чем голова его оторвалась от подушки, было воспоминание о событиях вчерашнего дня. Сначала это казалось продолжением мучительного сновидения; но затем, когда мысли освободились от пелены сна, он вскоре осознал действительность событий, которые память воспроизводила с отчаянной отчётливостью.

Первым и самым сильным воспоминанием, возникшим в его сознании, был категорический приказ отца Коньяра, закрывшего перед ним двери своего дома. Затем последовали оскорбление, нанесённое капитану Ивилу, вызванная им схватка и, наконец, решение, принятое после всех этих бурных происшествий, покинуть город и предложить свои услуги повстанцам.

Но, как это бывает с решением, принятым в лихорадочном порыве и после нескольких часов отдыха внезапно предстающим перед рассудком во всей очевидности своей непоследовательности, вчерашняя решимость уступила место неуверенности и смятению. Она настолько противоречила его обычному образу мыслей, что столь новый и поспешный замысел внушал ему беспокойство.

Однако страсть в конце концов тоже пробудилась и заставила его воспротивиться этому последнему протесту совести. Он вновь взвесил возможности обратить своё отступничество на пользу своей любви и убедил себя, что это единственный путь, который ему остаётся.

— Впрочем, — сказал он себе, резко вставая с постели, — я обещал самому себе дождаться последнего проявления недоброжелательства и могущества моего врага. Вот это и заставит меня принять решение!

К несчастью, такой случай не заставил себя долго ждать.

Когда Марк спустился в лавку, Транкиль как раз убирал следы ночной суматохи.

— Никто не приходил? — спросил молодой человек.

— Нет, господин Марк.

Эврар подошёл к открытой двери, прислонился к одному из её косяков и долго стоял там, погружённый в раздумья, с опущенной головой и печальным взглядом. Транкиль, редко видевший своего хозяина столь озабоченным, смотрел на него с глубоким сочувствием и несколько раз покачал головой.

— Чёрт побери, что-то тут неладно! — пробормотал он сквозь зубы.

Около одиннадцати часов на улице Су-ле-Фор началось необычное движение. На углу улицы Сен-Пьер раздался звук рога, и глашатай, последнее напоминание о герольдах былых времён, принялся громко читать, чтобы никто не мог сослаться на незнание, воззвание губернатора, предписывавшее городскому ополчению непременно явиться на Оружейную площадь к полуденному удару часов.

Эврар, как и все остальные, подошёл к глашатаю, смешался с собравшимися и выслушал воззвание до конца.

Глашатай закончил чтение, трижды хрипло протрубил в рог и отправился дальше.

— Ну что ж! Господин Эврар, — сказал кто-то молодому человеку, — стало быть, придётся нам встать в строй, а может, и сразиться!

— Да, сосед, — ответил Марк, медленно проходя те несколько шагов, что отделяли его от дома.

Едва он ступил на порог, как заметил английского военного, протягивавшего Транкилю запечатанный пакет, который тот, подозрительно относясь ко всему непонятному, отказывался принять.

Этот солдат был одним из ординарцев генерала Карлтона. Он повернул голову, по виду узнал хозяина заведения, подошёл к Марку и протянул ему послание.

Ординарец убедился, что молодой человек, прочитав адрес, вскрывает письмо, и удалился.

Транкиль искоса наблюдал за молодым хозяином. Едва Марк взглянул на бумагу, как побледнел точно мертвец.

— Так-так! — подумал Селестен, — дело становится сложнее! Проклятые англичане!

Марк Эврар смял бумагу, бросил её на пол и воскликнул:

— Что ж! Судьба, ты сама этого захотела!

Он сел возле прилавка и погрузился в мрачные мысли.

Послание гласило:

«Господину Марку Эврару, негоцианту в Квебеке;

«Я, Гай Карлтон, генерал-капитан и главный губернатор провинции Квебек и зависимых от неё территорий[4] в Америке, вице-адмирал оной, хранитель большой печати названной провинции и генерал-майор войск Его Величества, командующий Северным департаментом и прочая, и прочая, и прочая, узнав, что вчера вечером вы присутствовали на собрании, созванном врагами государства с целью отвратить верноподданных нашего возлюбленного короля Георга Третьего от повиновения, которое они ему обязаны оказывать, и что там вы открыто высказались в пользу подданных, восставших против королевской власти, настоящим объявляю вам, что считаю вас мятежником и дурным гражданином. Вследствие этого, поскольку я желаю оставить в пределах столицы только добрых и верных подданных, на которых могу во всём положиться, предписываю вам покинуть город в течение двадцати четырёх часов под угрозой немедленного заключения в тюрьму за преступление против величества.

«Дано за моей подписью и под печатью моего герба в замке Сен-Луи, в городе Квебеке, в десять часов утра двадцатого дня ноября, на пятнадцатом году царствования нашего государя и повелителя Георга Третьего, Божией милостью короля Великобритании, Шотландии и Ирландии, защитника веры и прочая, и прочая, и прочая, в лето Господне тысяча семьсот семьдесят пятое».

(Подписано) «Гай Карлтон».

«По приказу Его Превосходительства,

(Скреплено подписью) «Дж. Олсоп».

«Исполняющий обязанности секретаря.

«Переведено по приказу Его Превосходительства,

«Ф. Кюнье, S. F.

«Да здравствует король».

Транкиль, глубоко тронутый горем своего молодого хозяина, приблизился и не без сильного колебания сказал ему:

— Простите, господин Марк, что я осмеливаюсь вмешиваться в ваши дела. Но вы кажетесь таким несчастным, что… я…

Он не договорил; в голосе его дрожало рыдание.

— Да, мой бедный Селестен, — сказал Эврар, поднимая глаза на доброе лицо преданного слуги, — да, мне очень грустно, и, уверяю тебя, не без причины. Меня отовсюду гонят; меня заставляют покинуть город не позднее завтрашнего дня.

— Вас выгоняют!.. — воскликнул Транкиль, выпучив глаза размером с испанские пиастры.

— Да, потому что на вчерашнем собрании я скомпрометировал себя в пользу бостонцев.

— Вы!

[4] Такова в точности начальная формула прокламаций и тому подобных документов того времени.

— Да, я. Ты не понимаешь? Слушай. Ты знаешь, что уже год я люблю мадемуазель Алису Коньяр, которая тоже очень ко мне привязана. Но тебе, быть может, неизвестно, что английский офицер, капитан Джеймс Ивил, тоже уже некоторое время оказывает мадемуазель Алисе знаки внимания, впрочем, совершенно напрасно. Взбешённый тем, что девушка его отвергает, он решил снискать расположение её отца, который, как всем известно, и без того готов целовать ноги каждому, кто носит английскую фамилию. Так вот, вчера вечером капитан Ивил, сопровождавший полковника Маклина в часовню епископского дворца, нашёл удобный случай навсегда погубить меня в глазах Коньяра, сказав ему, что на собрании я крайне себя скомпрометировал. Отец Коньяр, разумеется, ему поверил и объявил мне, чтобы я больше не смел показываться в его доме. Выходя, я дал Ивилу пощёчину…

— Так ему и надо! — отозвался Транкиль, стиснув кулаки.

— Сразу после этого он встретил трёх своих приятелей. Все они погнались за мной и настигли меня здесь, на улице. Ты знаешь, что было потом. Наконец, взбешённый новым оскорблением, которому я его подверг, капитан отомстил мне сегодня утром, донёсши губернатору, будто я один из опаснейших мятежников; ведь я только что получил от самого генерала Карлтона приказ покинуть город до десяти часов завтрашнего утра под угрозой заключения в тюрьму как заговорщика.

— Чёрт побери! Да попадись мне когда-нибудь под руку этот ваш капитан, я его заставлю как следует поплясать!

— Теперь ты понимаешь, что меня так печалит. Быть вынужденным расстаться с Алисой, с тобой, мой добрый Селестен…

— Как же так! Господин Марк? Что вам придётся покинуть мадемуазель Алису, это я, увы, понимаю! Но я не вижу, что может заставить меня покинуть вас?

Марк Эврар отрицательно покачал головой.

— Видишь ли, Селестен, дело в том, что я решил вступить в ряды бостонцев, чтобы открыто бороться с пагубным влиянием этого англичанина. И если я готов рискнуть всем, перейдя на сторону мятежников, то ни за что на свете не хотел бы вовлекать в это тебя.

— И вы думаете, господин Марк, что я отпущу вас одного? Ах, вот как! Вы полагаете, будто я так люблю наших господ, что стану хоть на миг колебаться между службой у вас и у них. Правда, те, к кому вы собираетесь, тоже англичане, но ведь они воюют с солдатами английского короля. Мне этого довольно, господин Марк; мы отправимся вместе. И не говорите «нет», слышите. Это бесполезно. Я за вами хоть к чёрту пойду!

Преданность этого бедняги глубоко тронула Марка Эврара, который протянул ему руку и сказал:

— Хорошо, раз ты этого хочешь, разделишь со мной мою участь, дурную или хорошую. А теперь, поскольку мы должны уйти отсюда до завтрашнего дня, закроем лавку, чтобы никто не мешал нам собираться в дорогу.

Он пошёл запереть дверь на засов и принялся за приготовления.

Несколькими днями раньше Эврар получил письмо от господина Франсуа Казо, в котором тот просил предоставить все их товары в распоряжение бостонцев и даже полностью пожертвовать ими, если Марк решит покинуть город и присоединиться к повстанцам. Эти временные потери, писал Казо, впоследствии с избытком возместятся, когда армии Конгресса подчинят себе страну. В том же письме находилось другое, в котором Казо горячо рекомендовал Эврара американским офицерам на случай, если тот решит поступить на службу в армию Конгресса.

Осенняя торговля шла хорошо. В сундуке у Марка лежало несколько сотен луидоров, которые ему следовало взять с собой как для покрытия расходов с последующим отчётом перед господином Казо, так и для того, чтобы деньги не достались чужим рукам.

Сложив все имевшиеся у него деньги, счётные книги и кое-какую одежду в один из тех прочных чемоданов, обтянутых тюленьими шкурами, какие ещё изредка встречаются, Марк написал невесте бесконечно длинное послание.

Долгое время его перо лихорадочно быстро бегало по бумаге. Но, по-видимому, перечитанное письмо ему не понравилось или он внезапно переменил решение, потому что разорвал его, взял другой лист и написал лишь следующее:

«Квебек, сего двадцатого ноября 1775 года.

«Моя добрая Алиса,

«Именем всего, что вам дороже всего, именем нашей любви, прошу вас непременно прийти завтра, по вашему обыкновению, на тихую мессу в семь часов утра в кафедральный собор. Быть может, мы увидимся там в последний раз».

«Ваш бедный жених,

«Марк Эврар».

Марк положил записку в конверт, позвал Транкиля и вручил ему письмо со следующим наказом:

— Сегодня вечером, — сказал он, — ты пойдёшь посидеть с прислугой господина Коньяра. Тебя довольно часто видят на кухне, так что этот визит не вызовет никаких подозрений. Ты тайно передашь это письмо Лизетте, горничной, которую, я знаю, ты любишь, и скажешь, чтобы она сегодня же вечером отдала его своей госпоже, мадемуазель Алисе. Чтобы побудить её поторопиться и помалкивать, ты дашь ей этот золотой луидор.

Селестен положил письмо и луидор в карман куртки и сказал:

— Не беспокойтесь, господин Марк. Мадемуазель получит ваше письмо сегодня вечером.

Между тем губернатор произвёл смотр городского ополчения. Он прошёл вдоль рядов, начав с канадцев, стоявших справа, и спросил их, намерены ли они защищаться как добрые и верные подданные. Те ответили утвердительными возгласами. Присутствовавшие английские ополченцы поступили так же. Карлтон заметил, что немало людей отсутствует, и особенно таких видных горожан, как Лимбернер и Уильямс. Поэтому он объявил, что неблагонадёжные лица, которых все знают, должны немедленно покинуть город.

Весь остаток дня город пребывал в волнении. Надлежало вооружить горожан и ускорить оборонительные работы, которыми в отсутствие губернатора слишком пренебрегали.

На следующее утро рассвело хмуро и холодно. С севера дул ветер, принёсший первые зимние заморозки. Около семи часов, когда соборный колокол разносил по ветру своё однообразное гудение, молодая девушка, закутанная в тёплую отороченную мехом шубку, скрывавшую тонкость её талии, вышла с улицы Сент-Анн и направилась на улицу де-Жарден. Она шла быстро, и её маленькие ножки семенили по замёрзшей земле. Она миновала церковь иезуитов и спустилась к рыночной площади, которую пересекла, направляясь к кафедральному собору. Едва войдя в большую церковь, она окинула взглядом её неф. Она увидела молодого человека, сидевшего позади на одной из последних скамей и, казалось, нетерпеливо кого-то ожидавшего, так часто он оглядывался. Это был Марк Эврар.

Алиса прошла мимо него. Их взгляды встретились, быстрые и светлые, как две молнии. Девушка опустилась на колени немного впереди Марка, сложила у губ маленькие, слегка покрасневшие от холода руки и принялась горячо молиться.

Месса начиналась.

Эврар, спрятав лоб в ладонях, поначалу тоже, казалось, молился с благоговением. Но понемногу, надо признаться, он поднял голову, и его взгляд с выражением печальной нежности остановился на Алисе и уже не отрывался от девушки.

В конце мессы, когда священник повернулся к верующим, чтобы благословить их, Алиса и Марк осенили себя крестным знамением, их мысли встретились, и они преклонили колени под общим благословением, прося Бога соблаговолить подтвердить его на небесах.

Выйдя из церкви, они сперва молчали. Их сердца были так переполнены, что ни один не решался заговорить первым. Наконец Марк сказал девушке:

— Благодарю вас, Алиса, за то, что вы согласились на это последнее свидание.

— Но ради всего святого! Почему же оно должно быть последним?

— Увы! Моя бедная дорогая Алиса, с позапрошлого вечера произошли события, которые самым печальным образом отразятся на нашей жизни.

— Боже мой! В самом деле, я слышала вчера, как говорили о пощёчине, которую вы дали этому капитану, о встрече, о схватке… почему вы причиняете мне столько страданий всеми этими вспышками гнева? Я думала, что вас ранили, а может, даже убили! Марк! Вы очень дурно поступили!

— Подождите, Алиса, не спешите осуждать меня, пока я не расскажу вам о причинах, которыми руководствовался.

В эту минуту они подошли к углу улицы Сент-Анн. Вместо того чтобы свернуть на неё и вернуться домой, Алиса продолжала подниматься по улице де-Жарден, намереваясь затем пройти по улице Сен-Луи и спуститься по улице Сент-Юрсюль. Так они и шли дальше, тесно прижавшись друг к другу. Пока Марк рассказывал невесте о вероломном вмешательстве Джеймса Ивила в их судьбу, Алиса оставалась спокойной, потому что отец ещё в вечер бала объявил ей, что она не должна больше встречаться с Марком Эвраром и отказаться от надежды когда-либо стать его женой, и она хорошо догадывалась, откуда исходил этот удар, а возможно, уже придумала какой-нибудь способ рано или поздно его предотвратить. Но когда Марк объявил ей, что власти изгоняют его из города, она поняла, что несчастье достигло предела, и разрыдалась.

— Алиса! Успокойся! Умоляю тебя, — воскликнул Марк, поспешно предлагая невесте руку, чтобы поддержать её.

Она мягко отстранила его и дрожащей рукой принялась вытирать крупные слёзы, катившиеся по щекам.

— Боже мой! — сказал Марк, в отчаянии ломая руки, — Боже мой! Что мы сделали вам, чтобы вы так нас мучили! Неужели любить друг друга — преступление?

Некоторое время они шли молча, стараясь скрыть друг от друга рыдания, сотрясавшие их грудь. Так они дошли до улицы Сент-Юрсюль и свернули на неё, чтобы спуститься к улице Сент-Анн.

В ту пору при спуске по улице Сент-Юрсюль слева стояло всего пять или шесть домов. Справа она тянулась вдоль высокой ограды, отделявшей её от обители урсулинок. Деревья монастырского сада простирали свои обнажённые ветви над оградой, к подножию которой падали их последние листья, отрываемые осенним ветерком.

Влюблённые ступили на дорожку, покрытую мёртвыми листьями, которые стонали под их ногами.

— Эти бедные листья, — прошептал Марк, — похожи на наши рухнувшие иллюзии…

— Подумать только, — сказала Алиса, — мы расстанемся и, быть может, никогда больше не увидимся! О! От этого можно сойти с ума!

У неё закружилась голова, как бывает перед обмороком, и она пошатнулась.

Он протянул руки, чтобы не дать ей упасть.

Но огромным усилием воли она тотчас преодолела эту слабость. Между тем в её пылающей голове проносились странные мысли. Ей хотелось броситься Марку на шею и сказать ему: «Я твоя невеста, увези меня с собой, я буду твоей женой».

Это было похоже на внезапное смятение. Она почувствовала, что мужество оставляет её и что нужно поспешить с расставанием.

— Послушайте, Марк! — воскликнула она, остановившись в конце улицы Сент-Анн, которая тогда здесь и заканчивалась. — В конце концов, надо верить в Бога! Давайте пообе-

щаем друг другу, что, что бы ни случилось, мы всегда будем любить друг друга и останемся верны своей любви.

Марк подавил рыдание, раздиравшее ему горло, и с жаром произнёс:

— Алиса, именем Бога, который меня слышит, клянусь вам!

Затем он схватил протянутую ему руку и покрыл её жгучим поцелуем. Алиса, подняв к небу прекрасные глаза, полные слёз, воскликнула:

— Что ж! И я тоже, Марк, клянусь тебе священным именем Девы Марии. Я никогда не буду принадлежать никому, кроме тебя!

Алиса высвободила руки из рук молодого человека и резко ушла от него.

Сделав три шага вперёд, она с быстротой мысли вернулась к Марку, обвила обеими руками его шею, коснулась щеки жениха ангельским поцелуем, освободилась из этих кратких объятий и улетела, словно птица.

— Прощай! — сказала она, обернувшись издали к Марку и жестом велев ему не следовать за нею, — прощай!

Оцепеневший Эврар смотрел, как девушка бегом направляется к своему дому. Он увидел, как она приподнялась на пороге, в последний раз помахала ему рукой и скрылась в глубине дверного проёма.

Несколько минут он стоял не двигаясь, глядя на место, где исчезла Алиса, словно надеялся увидеть её вновь. Наконец, проведя рукой по лбу, на котором выступили капельки холодного пота, он прошептал:

— Всё кончено!

Он поднялся по улице и направился обратно в нижний город. Но шёл он очень медленно; ноги подгибались под ним почти на каждом шагу.

Подойдя к своему дому, он увидел двух солдат, стоявших перед дверью. В одном из них он узнал ординарца, который накануне принёс ему послание губернатора.

— Вы пришли меня арестовать? — спросил Эврар самым равнодушным тоном.

— Да, если вы не покинете город до десяти часов.

Эврар посмотрел на часы. Было уже за девять.

— Хорошо, я ухожу, — сказал он и вошёл в дом.

Транкиль сидел на бочке, подперев щёку сжатым кулаком, и ждал.

— Уже пора? — спросил он.

— Да, — ответил Марк.

Транкиль поднялся, взвалил на левое плечо чемодан своего хозяина, взял правой рукой свой верный мушкет, к стволу которого привязал красный клетчатый платок, завязанный за все четыре угла и вмещавший весь его собственный гардероб, и вышел из дома, не оглядываясь.

Марк взял шпагу, вышел и хладнокровно запер дверь, словно собирался отлучиться всего на час, а затем направился вверх по склону Ламонтань.

Транкиль двинулся следом за ним. Двое солдат шли за ними на некотором расстоянии.

Так они поднялись в верхний город и пересекли его целиком.

Дойдя до ворот Сен-Жан, закрытых со вчерашнего дня, Марк уже собирался объяснить преградившему ему дорогу часовому причину, по которой вынужден покинуть город. Но сопровождавшие его солдаты подошли к караульному и шепнули ему несколько слов на ухо. Тот поднял оружие и позвал товарищей, вышедших из караульного помещения. Городские ворота открылись и с мрачным лязгом железа захлопнулись за изгнанником и его верным слугой.

Глава V

Огонь и пламя

Известно, что полковнику Арнольду, офицеру на службе Конгресса, было поручено идти на Квебек, проникнув в страну по рекам Кеннебек и Шодьер. Арнольд хорошо знал Квебек, поскольку не раз бывал там ещё в те времена, когда торговал лошадьми.

Он выступил из Кембриджа, близ Бостона, 13 сентября во главе тысячи ста человек. Но уже 23 октября полковник Роджер Инос повернул назад, уведя за собой три роты[5].

Ослабленный дезертирством этих трёх рот и тридцатью двумя днями чрезвычайно тяжёлого перехода через леса, экспедиционный отряд Арнольда наконец 4 ноября достиг Сатиньяна, который тогда был ближайшим к границе приходом области Бос и находился в двадцати пяти лье от Квебека. Из тысячи ста солдат, вышедших месяцем ранее из Кембриджа, оставалось едва шестьсот пятьдесят человек.

Пополняя припасы в Сатиньяне, Арнольд продолжил движение к столице. Семнадцатого ноября он ночевал в Сен-Анри, а десятого достиг Пуэнт-Леви. Поскольку комендант Крамаэ распорядился перевести на сторону города все лодки из Леви, Арнольд смог переправиться через реку лишь в ночь на тринадцатое, на берестяных каноэ, которыми управляли индейцы, нанятые им в Сатиньяне. Хотя на рейде стояли два военных корабля, «Лизард» и «Хантер», бостонцы переправились незамеченными.

На следующий день Арнольд, не встретив ни малейшего сопротивления, поднялся на высоты, пересёк равнины и занял усадьбу английского полковника Колдуэлла («Сан-Брюи»).

Но, поскольку у каждого его солдата боеприпасов оставалось лишь на один выстрел[6], Арнольд решил, что о взятии города внезапным нападением не может быть и речи, и отступил к Пуэнт-о-Трамбль, чтобы дождаться генерала Монтгомери, двигавшегося из Монреаля.

Оба отряда соединились тридцатого ноября и, насчитывая вместе около тысячи ста человек, подошли к Квебеку и обложили его.

Генерал Монтгомери устроил свою главную квартиру в доме Холланда[7] на дороге Сен-Луи, а полковник Арнольд расположился лагерем на берегах реки Сен-Шарль и поселился в доме, который долгое время принадлежал семье Ланглуа и стоял возле берега, там, где переброшен мост Скотта.

Между тем генерал Карлтон не терял времени, готовя город к обороне. Первым его делом стало наложение эмбарго на несколько судов с зерном, собиравшихся отплыть в Европу. Благодаря этому он получил в своё распоряжение не только драгоценный запас продовольствия, но и шестьсот пятьдесят матросов, из которых пятьдесят «умели обращаться с пушкой». Число ополченцев — двести восемьдесят новобранцев, набранных за несколько месяцев до осады, — вместе с шестьюдесятью солдатами регулярных войск и всеми горожанами составляло гарнизон в тысячу девятьсот девяносто человек, включая роту инвалидов. Последняя называлась так потому, что состояла исключительно из стариков и людей слабого здоровья[8]. Кроме того,

---

[5] «Подполковник Грин из Род-Айленда сменил Иноса в качестве второго по старшинству офицера. Майорами были Ретёрн, Дж. Мейгс, Огден и Тимоти Бигелоу. Виргинскими стрелками командовали капитаны Морган, Хамфри и Хит. Хендрикс возглавлял роту из Пенсильвании. Тейер командовал ротой из Род-Айленда. Капелланом был преподобный Сэмюэл Спринт, а доктор Сентер — главным хирургом». Эти сведения, заимствованные им у Банкрофта, приводит господин Джеймс Ле Муан в своём интересном «Альбоме туриста».

[6] «Воспоминания» Сангине.

[7] Прежде чем перейти к майору Холланду, это владение принадлежало моему предку по материнской линии, господину Жану Таше.

[8] «Воспоминания» Сангине. Вот как, согласно Хокинсу, выглядел состав гарнизона Квебека во время осады 1775 года: 70 человек Королевских фузилёров, или 7-го полка, 230 человек Королевских эмигрантов, или 84-го полка, 22 человека Королевской артиллерии, 230 английских ополченцев под командованием подполковника Колдуэлла, 543 франкоканадца под

комендант крепости распорядился доставить в город продовольствие с судов. Город снабдили также большим количеством трески, угрей и другой рыбы.

Что же касается собственно боевых средств, то они состояли из двухсот тяжёлых пушек, пятидесяти полевых орудий, восьми мортир, пятнадцати гаубиц и достаточного количества бомб, ядер и пороха, чтобы в течение восьми месяцев вести огонь, не экономя боеприпасов[9].

Со стороны суши Квебек был укреплён стенами высотой в тридцать футов и толщиной в двенадцать футов. Над дворцом и нижним городом вершину скалы защищали отчасти каменные стены, отчасти палисады. Улица Со-о-Матло и проход Пре-де-Виль, представлявшие собой два узких дефиле, через которые неприятель только и мог проникнуть в нижний город, были перегорожены несколькими заставами и баррикадами, подходы к которым защищало немало пушек.

Пятого декабря, когда бостонцы захватили предместья Сен-Жан и Сен-Рош, Карлтон приказал обстрелять оба этих места из пушек, предварительно потребовав от их жителей укрыться в городе. Лишь немногие искали убежища за крепостными стенами, остальные отправились в деревню, чтобы избежать бедствий осады, которой предстояло, по всей вероятности, продолжаться по меньшей мере всю зиму.

командованием полковника Ле Комт Дюпре, 400 матросов под командованием капитанов Гамильтона и Маккензи, 50 мастеров и помощников мастеров, 35 моряков, 120 пиротехников. Всего 1800 человек под ружьём.

[9] «Воспоминания» Сангине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.